

Л. Т. Яблонский

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КРАНИОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ДРЕВНЕЙШИХ СКОТОВОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Азиатскими соседями скифов были сако-массагетские племена, которые, согласно сообщениям древних письменных источников, населяли земли к востоку от Каспийского моря. На рубеже бронзового и раннежелезного веков в азиатских степях наметился переход к скотоводческой основе ведения хозяйства. Возникновение новой экономической формации было обусловлено изобретением конской упряжи, рассчитанной на верховое использование лошади. В результате малоподвижные до тех пор степные популяции в азиатской части Евразийской степи получили возможность быстро передвигаться на значительные расстояния. В культурном отношении это привело к взрывоподобному распространению на огромной территории степи от Монголии до Дуная целых комплексов новых материальных и духовных ценностей.

С точки зрения антропологической, эпоха становления культур скифо-сакского типа стала временем мощных подвижек степных популяций, что привело, в частности, к активизации процессов глубокой инфильтрации населения на межпопуляционном уровне. А это способствовало возникновению новых антропологических, в том числе краниологических, комплексов признаков, которые легли в основу формирования физического типа многих современных народов, населяющих ныне территорию Средней Азии и Казахстана.

Антропология европейской степи скифского времени разработана достаточно хорошо благодаря усилиям целой плеяды российских и украинских ученых. В дискуссии о путях формирования скифской культуры Причерноморья именно палеоантропологические данные послужили существенным аргументом против гипотезы о переселении скифов из Азии и в пользу теории об их автохтонном происхождении¹. Скифские черепа — в целом массивные с предельно выраженными чертами большой европеоидной расы — оказались чрезвычайно похожими на черепа позднесрубного времени Поволжья и Северного Причерноморья.

В области палеоантропологии саков также было сделано немало. Достаточно упомянуть соответствующие труды и разделы в работах В. В. Гинзбурга², О. Исмагулова³, И. В. Перевозчикова⁴, Т. А. Трофимовой⁵, Т. К. Ходжайова⁶. Однако сакские краниологические серии, по сравнению с европейскими, были представлены лишь единичными черепами, не имеющими к тому же подчас строгой хронологической атрибуции. Палеоантропологи были вынуждены оперировать сборными сериями, включающими черепа не только раннесакского, но и усуньского, а иногда и более позднего времени, что, естественно, приводило к явным искажениям истинного положения вещей.

Краниологические материалы раннесакского времени, полученные при исследовании приаральских могильников, объективно могли бы стать источником более достоверной антропологической информации о ранних саках Средней Азии и Казахстана: в ходе работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции здесь были раскопаны погребальные комплексы, насчитывающие сотни захоронений, которые имеют узкую датировку. Благодаря публикациям прекрасные археологические материалы из могильников Уйгарак⁷, Южный Тагискен⁸ на Нижней Сырдарье, Сакар-чага в Присарыкамышской дельте Амударьи⁹ получили мировую известность.

На территории Присарыкамышской дельты Амударьи краниологические материалы раннесакского времени были впервые получены из раскопок подкурган-

ных грунтовых могил, проводившихся здесь в начале 1970-х годов¹⁰. Это были черепа, которые характеризовались общей массивностью, резкой долихокранией при очень большом высотном диаметре мозговой коробки, сильно выраженным макрорельефом области надпереносья, очень широким средневысоким и резко профилированным лицевым скелетом с широкими и очень низкими глазницами.

Т. А. Трофимова, первая сделавшая публикацию об этих черепах¹¹, писала о протоевропеоидной основе серии, сравнивая ее с ямниками Поволжья. Позже Т. П. Кияткина¹² убедительно показала, что присарыкамьшские черепа отличаются от ямных в сторону увеличения массивности лицевого скелета. В этом же направлении идут различия между ними и черепами тазабагъябской культуры Амударьи эпохи средней бронзы¹³.

Там же, на территории Присарыкамьшья, были раскопаны оссуарные захоронения, которые автор раскопок Б. И. Вайнберг датировала тогда VI—V вв. до н. э. При публикации краниологических материалов Т. А. Трофимова¹⁴ правильно отметила существенную разницу в морфологическом строении черепов из грунтовых и оссуарных захоронений (последние отличались мезокранией в сочетании с относительной грацильностью и мезоморфией). Она же опубликовала суммарные измерения обеих серий. Правда, полученные средние величины оказались искусственными и никоим образом не отражали реальные особенности краниологического облика присарыкамьшских популяций.

Тем не менее эти измерения прочно вошли в целый ряд палеоантропологических сводок. Так, в монографии В. П. Алексева и И. И. Гохмана¹⁵ они фигурируют под названием «сакская, тарымкаинская культура». Происхождение названия «тарымкаинская» остается неясным, так как археологами такая культура никогда не выделялась. Оказались эти данные и в сводной таблице, помещенной в монографии В. П. Алексева и А. И. Мартынова¹⁶. Ориентация авторов на изначально искаженные данные невольно привела их к ошибочному выводу о «достаточной однородности» населения степной части Средней Азии сакского времени на основе брахикранного широколицего комплекса с несколько уплощенным лицевым скелетом¹⁷. Кроме того, писали и о труднообъяснимом антропологическом типе населения Присарыкамьшья сакского времени¹⁸.

Между тем простая перегруппировка материала, проведенная мною со строгим учетом его хронологической и культурно-типологической атрибуции, показала, что в действительности на территории района в VII—VI вв. до н. э. проживали две группы популяций, которые физически резко отличались одна от другой¹⁹.

Череп из раскопанных мною сакарчагинских погребений²⁰, синхронных упомянутым выше, характеризовались в целом мезо-брахикранией, относительной грацильностью, мезоморфией и высоколицестью в сочетании с достаточно выраженной уплощенностью лицевого скелета, что было особенно заметно в женской серии.

Межгрупповой краниологический анализ показал, что в рассматриваемую эпоху территория Южного Приаралья заселялась группами скотоводов, которые пришли сюда из разных и притом достаточно удаленных друг от друга степных регионов.

Массивные, резко европеоидные черепа находят ближайшие морфологические аналогии в позднерубных сериях Приуральского региона, где известны черепа, которые характеризуются долихокранией и выраженной гиперморфией, сочетающейся с очень высоким сводом мозговой коробки²¹.

Мезокранные, с легкой уплощенностью лицевого скелета, черепа сопоставимы с карасукскими краниологическими сериями Минусинской котловины²².

Совокупность археологических и палеоантропологических материалов показывает, что на первых порах между обеими группами популяций существовали заметные культурные различия. Нельзя исключать, что эти различия затрагивали и социальную сферу жизни присарыкамьшских скотоводов. Поначалу именно пришельцы с востока заняли в Присарыкамьше ведущее социальное положение²³. Однако активный процесс культурной и генетической инфильтрации привел здесь

к формированию этнокультурной общности, которая в качестве одного из этнических компонентов вошла в состав древнехорезмийской цивилизации и перестала существовать как отдельная этническая группировка.

Иначе сложилась историческая судьба восточных соседей амударьинских саков.

Краниологические данные из могильника Южный Тагискен были впервые обработаны и опубликованы Т. А. Трофимовой²⁴. Однако в ее публикации были включены лишь средние величины краниометрических признаков, объединенные к тому же с измерениями черепов из Уйгарака. Именно в таком виде эти данные пришлось использовать авторам, которые впоследствии обращались к вопросам антропологии саков Средней Азии и Казахстана²⁵.

Между тем при осмотре обеих серий черепов у нас сложилось впечатление об определенной разнице в физическом типе людей, оставивших могильники сакско-го типа на Нижней Сырдарье. Это обстоятельство делает сомнительной возможность такого искусственного объединения и заставляет анализировать обе выборки поочередно. К сожалению, данные индивидуальных измерений тагискенских и уйгаракских черепов никогда ранее не публиковались, а сами бланки измерений были утрачены. Это заставило нас вновь измерить эти черепа, которые в настоящее время хранятся в Кабинете-музее им. В. П. Алексеева Института этнологии и антропологии РАН.

Признаки искусственной деформации на черепах из Южного Тагискена

Прежде чем перейти к краниологическому анализу серии, рассмотрим случаи искусственной деформации черепов и следы боевых повреждений на них.

Искусственно деформированные черепа происходят из курганов 31, 52, 54–56, 58, 62, 63 и 66. Бессмысленно вычислять процент деформированных черепов в серии из-за фрагментарности дошедшего до нас краниологического материала. Выделяются различные типы деформации. У подавляющего большинства искусственно уплощена область затылка и задней части теменных костей. Такой тип деформации хорошо известен на территории Средней Азии особенно от эпохи раннего средневековья и прослеживается здесь до современности.

Судя по этнологическим данным, уплощенность затылочной кости возникала в раннем детстве вследствие обычая жестко фиксировать ребенка в колыбели²⁶. Отсюда и традиционное название этого вида деформации — «бешиковая» (от тюркского «бешик» — подвесная колыбель). Следы этого вида деформации носят семь тагискенских черепов — из курганов 52, 55, 56, 58, 62, 63 и 66. В этой группе выделяется череп из кургана 58, у которого деформация выражена наиболее отчетливо. В области брегмы и венечного шва отмечается прогиб поверхности черепной коробки, который является по своей природе компенсаторным и отражает реакцию костной ткани черепа на сильное давление со стороны затылка. На этом же черепе отмечается преждевременная (по сравнению с состоянием зубной системы) облитерация сагиттального и затылочного швов черепа, что также может являться результатом аномальных процессов в период его роста.

Череп из кургана 54 отличается тем, что у него искусственно уплощена не только затылочная, но и лобная кость. Такой тип деформации называют лобно-затылочной. Она возникла в результате встречно-направленного давления со стороны лба и затылка одновременно. Лобно-затылочная деформация получила довольно широкое распространение на территории Средней Азии, но опять же в более позднее, по сравнению с тагискенским, время — ближе к рубежу нашей эры. Она фиксируется, например, в материалах из Позднего Тулхарского могильника II—I вв. до н. э.²⁷ и в могильниках античного времени Западной Туркмении²⁸. Сохраняется этот обычай и в эпоху средневековья, о чем свидетельствуют материалы из Ток-калы²⁹ и Миздахкана³⁰. Т. К. Ходжайов предполагал, что этот вид деформации головы бытовал у кочевников Средней Азии, начиная с середины

I тыс. до н. э., а ближе к рубежу нашей эры он распространялся с севера в юго-западном направлении³¹.

И наконец, один тагискенский череп (из кургана 31) носит следы затылочно-теменной искусственной деформации. При таком способе деформировать голову основное давление приходилось на теменные и затылочную кости, однако претерпевала компенсаторные изменения и лобная кость — лоб становился более прямым. До сих пор наиболее ранним и к тому же серийным случаем бытования этой деформации были черепа из коллективных погребений могильника Сакар-чага-I в Присарыкамышье³², которые датировались в пределах V—III вв. до н. э.

Позже, в IV—II вв. до н. э. черепа с искусственной деформацией затылочно-теменного типа фиксируются в материалах чирикратской культуры Нижней Сырдарьи³³, а в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры этот обычай получил самое широкое распространение среди скотоводческого населения Левобережного Хорезма³⁴. В том числе довольно много таких черепов было получено при раскопках оссуарных захоронений Присарыкамышья³⁵.

Таким образом, можно констатировать, что в материалах из Южного Тагискена мы сталкиваемся с наиболее ранним на территории Средней Азии и Казахстана проявлением обычая деформировать голову, причем с использованием различных способов деформации.

Бешиковая деформация, в отличие от других видов, не должна рассматриваться как признак, имеющий этническую нагрузку. Это признак культуры этноса, поскольку происхождение его связано, скорее всего, не с попыткой обособить свой физический облик, а лишь с традиционным способом укладывания в колыбель ребенка. Следовательно, можно предполагать, что люди, захороненные в могильнике Южный Тагискен, независимо от обряда, по которому они были похоронены, происходили из одной культурной группы. Можно предполагать также (и это не противоречит выводам, полученным при анализе археологического материала), что период функционирования могильника не был чересчур растянут во времени. Необходимо особо отметить, что из сохранившихся черепов деформирована лишь меньшая часть. Это может свидетельствовать о том, что данный обычай в эпоху функционирования могильника являлся тогда еще культурной инновацией.

Наличие черепов с лобно-затылочной и затылочно-теменной деформацией может говорить о том, что к тагискенскому времени относятся и первые попытки деформировать голову в целях придания ей специфического внешнего облика, и на этот раз — с задачей выделиться своей внешностью. Не вызывает сомнений, что во второй половине I тыс. до н. э. затылочно-теменная деформация являлась составным признаком хорезмийского этноса, во всяком случае скотоводческой его части.

В развитии темы о хронологии тагискенских погребений заметим, что именно VI в. до н. э. является временем, наиболее вероятным для появления и постепенного распространения обычая искусственно деформировать голову.

Боевые повреждения

Следы боевых повреждений были замечены на трех черепах. Они диагностировались в соответствии с методикой, разработанной на криминалистическом материале³⁶.

Фотография одного из таких черепов (молодой мужчина из кургана 63) была опубликована³⁷, но повреждение не описано и ни в одной публикации о тагискенских черепах не упоминается вообще.

1. Следы боевых повреждений отмечены только на мужских черепах. 2. Каждое повреждение являлось смертельным. 3. Во всех случаях можно предполагать, что нападавшие располагались позади пострадавших и, таким образом, эти смертельные раны не были получены в открытом бою; на одном из черепов явно фиксируются следы добивания уже поверженного на землю противника. 4.

Типологическими особенностями идентичного орудия нападения синхронизируются курганы 13 и 62, что не противоречит археологически установленной дате этих курганов — в обоих были найдены бронзовые втульчатые трехлопастные наконечники стрел савроматского типа. 5. Этим же временем датируются и два других кургана, из которых происходят черепа с боевыми повреждениями. То есть все четыре кургана составляют одну и при том относительно позднюю хронологическую группу тагискенских захоронений. 6. Любопытно отметить, что все травмированные черепа имеют признаки бешиковой деформации. Исключение составляет череп из кургана 13, впрочем, дошедший до нас лишь во фрагментах.

Внутри- и межгрупповой анализ

В результате ограбления могил пострадали не только предметы материальной культуры, но и скелеты погребенных. Поэтому из 27 зафиксированных в процессе раскопок черепов, относящихся к раннесакской эпохе, после реставрации удалось измерить лишь 11 — 4 женских и 7 мужских. С учетом малой численности черепов создается все же впечатление об антропологической неоднородности женской серии из Южного Тагискена, в которой присутствуют, с одной стороны, исключительно массивные и резко долихокренные черепа, а с другой — относительно грацильные и брахикренные. При этом все женские черепа (опять же с учетом известной фрагментарности находок) несут на себе следы определенной уплощенности лицевого скелета, которая может объясняться наличием признаков, характерных для представителей большой монголоидной расы.

В этом отношении данным краниологического анализа не противоречат и независимые от краниометрических одонтологические признаки. Так, лопатообразность резцов была отмечена на женских черепах из кургана 65, а на черепе из кургана 66 отмечается хорошо выраженный затек эмали в межкорневое пространство верхних моляров.

При этом оказывается, что черепа различного морфологического строения происходят из относительно синхронных групп тагискенских погребений и, таким образом, связь между хронологией захоронений и физическим типом погребенных во всяком случае на женских черепах, как будто не прослеживается.

При наличии долихокренного и субдолихокренного черепа мужская серия представлена в основном брахикренными и относительно менее массивными по сравнению с женской серией черепами. Мужские черепа, как и женские, отличаются массивным строением лицевого скелета, несколько уплощенного в горизонтальной плоскости на среднем уровне. На трех черепах из пяти угол носа понижен до 24°, что, наряду с другими признаками, может свидетельствовать о наличии и в мужской серии монголоидной примеси. Заметим, однако, что при исследовании зубной системы мужских черепов не были обнаружены признаки, присущие представителям восточного одонтологического ствола.

Как и в случае с женской серией, не устанавливаются закономерности в распределении краниологических комплексов в зависимости от типа погребальной камеры и времени ее сооружения, определенного археологическими методами.

Таким образом, отмечается антропологическая гетерогенность черепов раннесакского времени из Южного Тагискена, которая выражена в наличии, во-первых, долихокренных и брахикренных черепов, во-вторых, черепов, у которых монголоидная примесь устанавливается с достаточной степенью надежности.

Межгрупповой статистический анализ был проведен с использованием метода вычисления главных компонент. Было выбрано восемь краниометрических признаков, которые в наилучшей степени представлены в приаральских сериях: продольный диаметр 26 черепов из Приаралья (как мужских, так и женских) составил выборку, которая легла в основу расчетов.

Первая главная компонента описывает 31% случаев, вторая — 22 и третья —

18%. По первой компоненте наибольшую вариабельность в выборке обеспечивают (по мере убывания значения величин) продольный диаметр, угол выступания носа, угол наклона лба, ушная высота и наименьшая ширина лба (абсолютные значения колеблются в пределах от 0,8 до 0,5). По второй компоненте такую вариабельность обеспечивают ширина носа и поперечный диаметр черепа. По третьей — верхняя высота лица, поперечный диаметр черепа, угол наклона лба.

Можно отметить, что в целом на фоне общей гетерогенности выборки, а точнее — внутри нее черепа из отдельных могильников не составляют достаточно удаленных друг от друга совокупностей. Выделенное нами скопление № 2 состоит в основном из мужских черепов, а скопление № 3 — из женских. Достаточно удалены от остальных лишь два черепа (оба — мужские) из могильника Южный Тагискен (курганы 53 и 63). Впрочем, тагискенские черепа представлены в расчетах всего четырьмя черепами (мужских — два), что не позволяет с достаточной уверенностью говорить о реальности этих различий.

Основной вывод состоит в том, что все региональные выборки сакских черепов из Приаралья в равной степени характеризуются значительной гетерогенностью. Во-первых, она обусловлена наличием в каждой из выборок черепов с более или менее уплощенным лицевым скелетом, что свидетельствует о присутствии монголоидного компонента. Во-вторых, как было установлено внутригрупповым анализом, европеоидный компонент также не отличался гомогенностью, причем основу его составили массивные долихокранные гиперморфные черепа с высоким сводом мозговой коробки. Это тот комплекс краниологических признаков, который для эпохи поздней бронзы ближайшие аналогии имеет в могильниках срубного типа Приуралья³⁸ и который, как мы уже отмечали, составил антропологическую основу группы популяций населения раннесакского времени в Присарыкамышье³⁹.

Сложнее найти истоки монголоидного компонента сакских популяций. Т. А. Трофимова писала о центральноазиатском происхождении монголоидного компонента у саков Нижней Сырдарьи, ссылаясь на их физическую близость с ранними кочевниками сако-усуньского времени Горного Алтая, ряда районов Казахстана, а также Тянь-Шаня и Алая⁴⁰. Нетрудно заметить, однако, что в этом случае речь идет не о предшествующем, а о синхронном (реже) или более позднем (чаще) населении. Палеоантропология располагает данными о том, что в эпоху бронзы ареал европеоидов располагался далеко на восток по сравнению с современным, занимая в том числе территорию Западной Монголии. Причем, по некоторым данным, европеоиды проживали здесь еще и в середине I тыс. до н. э.⁴¹

Для ближайших к Приаралью географических регионов эпохи поздней бронзы монголоидная примесь фиксировалась у населения Минусинской котловины⁴², однако у нас нет достаточно весомых, с точки зрения археологии, оснований говорить о непосредственной формообразующей роли карасукского компонента в сложении сакских культур Приаралья.

Не исключено, что решение проблемы происхождения монголоидного компонента в составе раннесакского населения среднеазиатско-казахстанских степей связано с изучением палеоантропологических материалов с территории Синьцзяна и южных районов Джунгарии. Но на сегодняшний день эти материалы по-прежнему остаются для нас либо недоступными, либо сомнительными с точки зрения их хронологической атрибуции.

Как бы то ни было, достаточно хорошо датированные палеоантропологические материалы из Южного и Восточного Приаралья позволяют утверждать, что ощутимая монголоидная примесь в составе населения появилась здесь именно на начальном этапе развития культур сакского типа (в абсолютных датах — в VIII—VI вв. до н. э.). После V в. до н. э. вместе с трансформацией классической для саков материальной культуры здесь исчезает и монголоидный комплекс краниологических признаков. Новый и притом достаточно массовый приток кочевников, физический облик которых имел выраженные монголоидные черты, фиксируется далее лишь в палеоантропологических материалах эпохи раннего и

развитого средневековья. Исторически этот приток был связан главным образом с политикой тюркских каганатов и экспансией монголов эпохи Чингизхана. Детальное обоснование данного тезиса выходит за рамки настоящего сообщения.

Примечания

¹ Дебец Г. Ф. О физических типах людей скифского времени // Проблемы скифской археологии. 1971. Т. 177; Алексеев В. П. Проблема расы в современной антропологии // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л., 1980.

² Гинзбург В. В. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии (гунны и саки Тянь-Шаня, Алая и Южного Памира) // Краткие сообщ. Ин-та этнографии (далее — КСИЭ). 1950. Т. XI; *его же*. Материалы к изучению древнего населения Восточного Казахстана // КСИЭ. 1952. Т. XIV; *его же*. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) // Тр. Ин-та этнографии. Нов. серия. Т. XXI. М., 1954; *его же*. Материалы к антропологии древнего населения Южной Киргизии // Изв. АН Киргизской ССР. Сер. обществ. наук. Т. II. Вып. 3. Фрунзе, 1960; *его же*. Антропологическая характеристика саков Южного Памира // Краткие сообщ. Ин-та истории материальной культуры (далее — КСИИМК). 1960. Т. 80.

³ Исмагулов О. Краниологические материалы к антропологии ранних кочевников Среднего Прииртышья // Изв. АН Казахской ССР. Сер. обществ. наук. 1967. Т. 13; *его же*. Черепки из курганов с каменными выкладками Центрального Казахстана // По следам древней культуры Казахстана. Алма-Ата, 1970; *его же*. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата, 1970.

⁴ Перевозчиков И. В. К палеоантропологии населения Алтая в сакское время // Вопр. антропологии. 1970. Вып. 34.

⁵ Трофимова Т. А. Приаральские саки (краниологический очерк) // Материалы Хорезмской экспедиции (далее — МХЭ). М., 1963; *ее же*. Ранние саки Приаралья по данным палеоантропологии // Anthropos. № 19. (N. S. 11). Вгпо, 1967; *ее же*. Ранние саки Приаралья (по данным антропологии) // Тез. Всесоюзной конференции по скифо-сарматской археологии. М., 1967.

⁶ Ходжайов Т. К. Антропологический состав населения Средней Азии в эпоху раннего железа и античности // Тез. Всесоюзного научного совещания «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1979; *его же*. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980; *его же*. Характер взаимодействия кочевого мира и соседних оазисов, прослеживаемый на палеоантропологическом материале Средней Азии. — Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций // Тез. докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987.

⁷ Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (далее — ТХАЭЭ). 1973. Т. VIII.

⁸ Итина М. А. Ранние саки Приаралья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

⁹ Яблонский Л. Т. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.

¹⁰ Вайнберг Б. И. Памятники куясайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. 1979. Т. XI; *ее же*. Курганные могильники Северной Туркмении (Присарыкамьшская дельта Амударьи) // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. 1979. Т. XI.

¹¹ Трофимова Т. А. Краниологические материалы из могильника Тумек-Кичиджик // Сов. этнография (далее — СЭ). 1974. № 5; *ее же*. Черепки из погребений куясайской культуры в могильниках Тумек-Кичиджик и Тарым-кая // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. 1979. Т. XI.

¹² Кияткина Т. П. К вопросу об антропологии древнего населения Хорезма // Хорезм и Мухаммед ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе, 1983.

¹³ Виноградов А. В., Итина М. А., Яблонский Л. Т. Древнейшее население низовий Амударьи (археолого-палеоантропологическое исследование) // ТХАЭЭ. 1986. Т. XV.

¹⁴ Трофимова Т. А. Черепки из погребений...

¹⁵ Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология Азиатской части СССР. М., 1984. Табл. 18.

¹⁶ Алексеев В. П., Мартынов А. И. История и палеоантропология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986.

¹⁷ Алексеев В. П., Гохман И. И. Указ. раб. С. 54.

¹⁸ Алексеев В. П., Мартынов А. И. Указ. раб. С. 60.

¹⁹ Яблонский Л. Т. Население раннесакского времени в Приаралье: археолого-палеоантропологический подход к проблеме этногенеза // Тез. докл. Всесоюзной конференции «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана». М., 1988.

²⁰ Яблонский Л. Т. Могильник раннесакского времени Сакар-чага-3 // СЭ. 1986. № 5. *его же*. Проблема формирования культуры саков...; *его же*. Саки Южного Приаралья...

²¹ Юсупов Р. М. Расо-генетические связи Южного Урала и Приаралья в эпоху раннего железа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 4. Антропология. М., 1991.

²² Алексеев В. П. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпохи

неолита и бронзы // *Вопр. истории Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск, 1961; Рыкушина Г. В. *Население Среднего Енисея в карасукскую эпоху (краниологический очерк)* // *Палеоантропология Сибири*. М., 1980.

²³ Яблонский Л. Т. Социальная структура саков Присарыкамышья по данным погребального обряда // *Истор. чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Докл. республиканской научной конференции*. Ч. 1. Омск, 1992.

²⁴ Трофимова Т. А. Приаральские саки ...; *ее же*. Ранние саки Приаралья...

²⁵ См., например: Кияткина Т. П. Указ. раб.; Алексеев В. П., Гохман И. И. Указ. раб.

²⁶ Гершенович Р. С. О деформации затылка у узбекских грудных детей // *Тр. Среднеазиатского университета*. 1929. Вып. 2. *Этнография; Вифлеемская З. Я.* Форма черепа узбекского ребенка в связи с некоторыми особенностями его воспитания // *Медицинская мысль Узбекистана и Туркмении*. 1930. № 12—13; Рычков Ю. Г. О деформации головы в связи с обычаями ухода за детьми (по материалам антропологического обследования в Азербайджане) // *КСИЭ*. 1957. Т. XXVII.

²⁷ Кияткина Т. П. Формирование антропологического облика населения Таджикистана. М., 1964.

²⁸ Гинзбург В. В. Раса среднеазиатского междуречья и ее происхождение // *УП МКАЭН*. 1968. Т. 3.

²⁹ Рысназаров Н. Черепа из могильника Ток-кала // *СЭ*. 1965. № 2.

³⁰ Ходжайов Т. К. О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности // *Вестник КК ФАН УзССР*. 1966. Вып. 14.

³¹ Ходжайов Т. К. Краткие итоги изучения антропологии Средней Азии в связи с проблемами этногенеза узбекского народа // *Материалы к этнической истории населения Средней Азии*. Ташкент, 1986. С. 97.

³² Яблонский Л. Т. Погребальный обряд могильника Сакар-Чага-1 // *Полевые исследования Института этнографии 1982 года*. М., 1986.

³³ Трофимова Т. А. Приаральские саки...

³⁴ Трофимова Т. А. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии // *МХЭ*. 1959. Вып. 2.

³⁵ Яблонский Л. Т., Коляков С. М. Могильник Тарым-кая-2 // *Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье)*. М., 1992.

³⁶ Скопин И. В. Судебно-медицинское исследование поврежденных рубящими орудиями. Саратов, 1961; Яблонский Л. Т. О некоторых принципах диагностики и дифференциации следов повреждений и трепанаций в краниологических сериях // *Проблемы современной антропологии*. Минск, 1983.

³⁷ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. Рис. 20.

³⁸ Юсунов Р. М. Указ. раб.

³⁹ Яблонский Л. Т. Саки Южного Приаралья...

⁴⁰ Трофимова Т. А. Ранние саки Приаралья... С. 247.

⁴¹ Мамонова Н. Н. Демография Улангомского могильника // *Археология и этнография Монголии*. Новосибирск, 1978; *ее же*. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // *Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР*. Сб. МАЭ. 1980. Т. XXXVI.

⁴² Рыкушина Г. В. Указ. раб.

On the problem of forming of the craniological type of the ancient herd nomads of Central Asia and Kazakhstan

Craniological series of ancient Saka from the lower Amu- and Syr Darya rivers are analysed within a wide context of ethnogenesis and history of Asian nomads.

L. T. Yablonsky